

Воспоминания, сновидения, размышления

К. Г. Юнг в книге «Воспоминания, сновидения, размышления» не только излагает события своей жизни, но и говорит об основах созданной им в психологии научной школы. Его теории оказали огромное влияние на развитие не только психологии, но также и психиатрии.

Несмотря на то, что книга написана в жанре биографии, биографией она не является в общепринятом смысле этого слова. Автор в ней через историю своей жизни передаёт читателям основные положения своей научной школы. Он говорит о том, что его собственная жизнь являет собой историю самореализации бессознательного. Именно это обстоятельство оказало на него огромное влияние как на учёного. Стоит отметить необычность изложенного в этой книге похода, который кажется несколько странным, необычным. Он представляет собой симбиоз науки и мистики.

Юнга всегда интересовала психология душевнобольного. Он не использовал стандартный подход ко всем, а работал с каждым человеком индивидуально. Благодаря своим пациентам Юнг узнал новое о себе и получил возможность открыть новые пути для терапии. Именно поэтому он с теплотой вспоминает о них в своей книге. Прочтя её, можно многое узнать о личности автора, его жизни и становлении как выдающегося исследователя в сфере психологии человеческой личности.

Карл Густав ЮНГ

ВОСПОМИНАНИЯ, СНОВИДЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.964.2 Юнг
Ю 50

Юнг К. Г.

Ю 50 Воспоминания, сновидения, размышления / Карл Густав Юнг. — Киев: Издательский дом «С В А Р О Г», 2023. — 408 с.

ISBN 978-966-370-754-9

К. Г. Юнг в книге «Воспоминания, сновидения, размышления» не только излагает события своей жизни, но и говорит об основах созданной им в психологии научной школы. Его теории оказали огромное влияние на развитие не только психологии, но также и психиатрии.

Несмотря на то, что книга написана в жанре биографии, биографией она не является в общепринятом смысле этого слова. Автор в ней через историю своей жизни передаёт читателям основные положения своей научной школы. Он говорит о том, что его собственная жизнь являет собой историю самореализации бессознательного. Именно это обстоятельство оказало на него огромное влияние как на учёного. Стоит отметить необычность изложенного в этой книге похода, который кажется несколько странным, необычным. Он представляет собой симбиоз науки и мистики.

Юнга всегда интересовала психология душевнобольного. Он не использовал стандартный подход ко всем, а работал с каждым человеком индивидуально. Благодаря своим пациентам Юнг узнал новое о себе и получил возможность открыть новые пути для терапии. Именно поэтому он с теплотой вспоминает о них в своей книге. Прочтя её, можно многое узнать о личности автора, его жизни и становлении как выдающегося исследователя в сфере психологии человеческой личности.

УДК 159.964.2 Юнг

ISBN 978-966-370-754-9

© Издательский дом «С В А Р О Г», 2023.

Предисловие

*He looked at his own Soul with a Telescope.
What seemed all irregular he saw and shewed
to be beautiful Constellations and he added to
the Consciousness hidden worlds within worlds.
Coleridge. Note book.*

[Он взглянул на свою душу в телескоп. То, что раньше представлялось совершенно беспорядочным, оказалось прекрасными созвездиями, ему открылись скрытые миры внутри миров. Колридж. Записная книжка.]

Летом 1956 года на конференции «Эраноса» в Асконе издатель Курт Вольф сообщил, что хотел бы опубликовать в нью-йоркском издательстве «Pantheon books» биографию Карла Густава Юнга. Доктор Иоланда Якоби, долгое время сотрудничавшая с Юнгом, предложила взять на себя работу биографа.

Все понимали, что сделать это будет непросто, поскольку Юнг не желал выставлять напоказ свою личную жизнь. И действительно, только после долгих сомнений и колебаний он нашел для меня время. Мы встречались раз в неделю после обеда. И если учесть, что работал Юнг ежедневно и напряженно, а утомлялся быстро (ему было уже за восемьдесят), на это уходила значительная часть его рабочего времени. Работать мы начали весной 1957 года. По замыслу Курта Вольфа книга должна была выглядеть не как «биография», а как «автобиография», т. е. быть написанной от лица самого Юнга. Моя задача состояла лишь в том, чтобы задавать вопросы и записывать

ответы. Первое время Юнг был довольно скрытен, но вскоре работа ему понравилась и он стал относиться к ней с большим интересом. Он начал рассказывать о себе, своем становлении, своих сновидениях и размышлениях, и его это захватило.

К концу года отношение Юнга к нашим совместным усилиям совершенно переменялось. Мы затронули скрытые глубоко в подсознании образы его детства, и он ощутил их связь с идеями работ, которые писал в конце жизни, не вполне осознавая, на мой взгляд, характер этой связи. Однажды утром он сообщил мне, что хочет сам записать воспоминания детства. К этому времени он рассказал уже многое, но в моих записях все еще оставались большие пробелы.

Его решение явилось приятной неожиданностью — я знала, с каким напряжением Юнг писал. В последние годы он ничего подобного не предпринимал, если только не чувствовал некоторого «внутреннего обязательства». Теперь ему казалось, что работа над «автобиографией» внутренне оправданна.

Вот одно из замечаний, относящихся к тому периоду, которое я записала: «Книга для меня — всегда вопрос судьбы. В процессе писания есть что-то непредсказуемое, и я не в состоянии задать себе какое-либо направление. Так, эта «автобиография» принимает теперь направленность, совершенно отличную от той, что представлялась мне вначале. Я чувствую необходимость записать ранние воспоминания, и, если не занимаюсь этим хотя бы день, у меня немедленно возникают неприятные физические симптомы. Стоит же мне сесть за работу, они исчезают, и я ощущаю в голове полную ясность».

В апреле 1958 года были написаны главы о детстве, школьных годах и университетском периоде. Сначала Юнг дал им общее название — «О ранних событиях в моей жизни». Эти главы заканчивались 1900-м годом, когда он завершил медицинское образование.

В январе 1959 года Юнг жил в своем загородном доме в Боллингене. Каждое утро он посвящал чтению избранных глав нашей книги, к этому времени ее форма уже стала вырисовываться. Возвращая мне главу «О жизни после смерти», он сказал: «Во мне что-то сдвинулось, и я чувствую потребность писать». Так появились «Поздние мысли», где были отражены самые глубокие и последовательные его убеждения.

Тогда же, летом 1959 года, Юнг написал главу о Кении и Уганде. Раздел об индейцах пуэбло мы взяли из его неоконченной рукописи, посвященной психологии примитивных народов.

Чтобы завершить главы «Зигмунд Фрейд» и «Встреча с бессознательным», я заимствовала кое-какие фрагменты из семинара 1925 года, на котором Юнг впервые заговорил о внутреннем развитии.

Глава «Психиатрическая деятельность» основана на беседе Юнга с молодыми ассистентами цюрихской психиатрической клиники Бургхольцли в 1956 году, где один из его внуков работал психиатром. Беседа происходила в доме Юнга в Кюснахте.

Прочитав рукопись, Юнг остался ею доволен. Где-то он исправил целые абзацы или добавил новый материал. Я в свою очередь воспользовалась записями наших бесед, чтобы дополнить главы, которые он написал сам, подробнее изложила факты, убрала повторения. Но в дальнейшем провести грань между моим участием в работе над книгой и его собственным вкладом было уже почти невозможно.

Генезис книги в какой-то степени определил ее содержание. Беседе или спонтанному повествованию всегда свойственна определенная непоследовательность. И этот тон распространился на всю «автобиографию». Главы — это стремительно распространяющиеся лучи света, которые лишь на мгновение выхватывают внешние события жизни Юнга и его деятельность. Но недостаточное освещение внешних событий компенсировалось погружением в атмосферу его внутренней

жизни, в переживания человека, для которого душа была совершенно реальной сущностью. Я часто просила Юнга поподробнее рассказать о внешних событиях, но мои просьбы оставались без ответа. Только духовное содержание жизненного опыта осталось в его памяти, и только оно казалось ему достойным повествования.

Эти изначальные препятствия личного характера оказались существеннее, чем трудности формальной организации текста, и Юнг так объясняет это в письме к другу студенческих лет. Во второй половине 1957 года, отвечая на просьбу записать воспоминания молодости, он пишет:

«...Вы безусловно правы. Когда мы стареем, к нам возвращаются воспоминания нашей молодости, и причины этого кроются не только в нас. Когда-то, около тридцати лет назад, мои ученики просили меня рассказать, как я пришел к понятию бессознательного. Я исполнил их просьбу, организовав семинар. За последние годы в различной форме мне были высказаны предложения сделать нечто подобное и в отношении автобиографии. Не могу представить себя в этой роли. Я знаком со слишком многими автобиографиями, с их самообманом и прямой ложью, и слишком хорошо осознаю невозможность описать себя, чтобы у меня возникло желание предпринять такую попытку.

В последнее время меня просят дать сведения для моей автобиографии, и, отвечая на вопросы, я обнаружил скрытые в моих воспоминаниях объективные проблемы, которые, похоже, заслуживают более пристального внимания. Пораздумав, я решил на какое-то время отложить остальные дела, чтобы обратиться к истокам своей жизни и объективно их исследовать. Поставленная цель оказалась крайне трудной и необычной, для ее достижения мне пришлось пообещать себе, что результаты не будут опубликованы при моей жизни. Эта мера, на мой взгляд, обеспечит необходимые спокойствие и отстраненность. Как

выяснилось, все воспоминания, сохранившие яркость, были связаны с эмоциональными переживаниями, причинявшими мне беспокойство и вызывавшими сильные чувства, — едва ли это достаточное условие для беспристрастного повествования! Ваше письмо «естественно» пришло в тот самый момент, когда я фактически решился на подобную попытку.

Судьба распорядилась таким образом — как, собственно, всегда и бывало, — что все внешнее в моей жизни всегда оказывалось случайным, и лишь внутреннее имело смысл и значение. В результате все воспоминания о внешних событиях поблекли, а, возможно, эти «внешние» опыты жизни вообще никогда не были особенно важны или были важны лишь постольку, поскольку совпадали с фазами моего внутреннего развития. Огромная часть этих «внешних проявлений» исчезла из памяти как раз потому (как мне казалось), что я участвовал в них, тратя на них энергию. Но ведь именно внешние события являются главными компонентами общепринятой биографии. Это — люди с которыми вы встречались, путешествия, приключения, затруднительные обстоятельства, удары судьбы и т. д. Однако, за некоторыми исключениями, все эти вещи превратились для меня в фантомы, которые я вспоминаю с трудом — они более не волнуют воображение.

Воспоминания о «внутренних» переживаниях, напротив, стали более отчетливыми и красочными. И здесь возникает проблема описания, с которой я едва ли способен справиться, по крайней мере сейчас. По этим причинам, к моему великому сожалению, я не могу удовлетворить вашу просьбу».

Надо сказать, процитированное письмо типично для Юнга. Хотя он уже и «решился сделать попытку», тем не менее в конце последовал отказ. До самой смерти он не мог окончательно определиться между «да» и «нет». Всегда оставался некий скепсис, некоторая скованность перед читающей публикой. Он рассматривал эти биографические записи не как

научный труд, и даже не как собственную книгу, а скорее как свой вклад «проект Аниэлы Яффе», как он называл нашу с ним работу. Особо он настаивал, чтобы эту книгу не включали в собрание сочинений.

Юнг бывал чрезвычайно скрытен, упоминая о своих встречах с людьми, шла ли речь об известных лицах, или о близких друзьях и родственниках. «Я был знаком, — замечал он, — со многими известными людьми моего времени, людьми, занимавшими выдающееся место в науке или политике, с исследователями, артистами и писателями, принцами и финансовыми магнатами, но, если быть честным, я вынужден признать, что только несколько таких встреч стали для меня событием. В целом, наши встречи скорее напоминали встречи кораблей в море, когда они приспускают флаги, приветствуя друг друга. К тому же эти люди обычно желали узнать у меня о чем-то таком, что не подлежит огласке. Так что во мне не осталось никаких воспоминаний об этих людях, какую бы ценность они ни представляли в глазах мира. Наши встречи были бессодержательны, скоро позабылись и не имели никакого серьезного влияния. А об отношениях с людьми, которые были для меня жизненно важными и о которых я вспоминаю теперь с чувством отстраненности, я говорить не могу, поскольку они касаются не только моей интимной жизни, но и интимной жизни других. Это не по мне — открывать публике то, что закрыто навсегда».

Однако, недостаток внешних событий, с избытком искупается отчетами о событиях жизни внутренней, о мыслях и чувствах, которые, как считал Юнг, составляют неотъемлемую часть его биографии. Это справедливо прежде всего по отношению к его религиозным переживаниям. В этой книге заключено религиозное кредо Юнга.

Религиозные вопросы предстают в ней как различные стороны его жизненного опыта: здесь и детские откровения, определившие отношения Юнга с религией до самого конца жизни, и вечное любопытство ко всему, что связано с внутренним миром человека, — иными словами, это потребность знать, столь характерная для его научного творчества. И последнее, но чуть ли не самое важное, — это осознание себя врачом. В первую очередь Юнг и рассматривал себя как врача, осознающего, что религиозные чувства его пациентов играли решающую роль в излечении психических заболеваний. Это наблюдение совпало с открытием, что человеческое сознание спонтанно создает образы религиозного содержания, что многочисленные неврозы (особенно во второй половине жизни) происходят от невнимания к этому особому свойству нашей души.

То, как Юнг понимал религию, во многом отличалось от традиционного христианства — особенно, когда речь шла о проблеме зла и об идее Бога (который у Юнга не так уж добр и далеко не всегда «благ»). С точки зрения догматического христианства Юнг предстает очевидным еретиком. Такова, несмотря на его мировую славу, была реакция на его работы. Это огорчало его; часто в этой книге проскальзывает разочарование человека, религиозные идеи которого не были поняты должным образом. Не единожды он мрачно говорил:

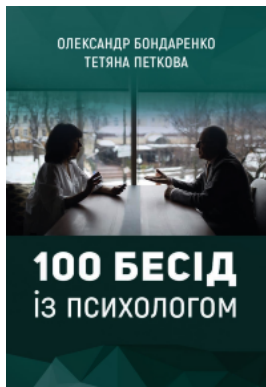
«Они бы сожгли меня как средневекового еретика!». Лишь после его смерти все большее число теологов стало признавать, что Юнг был несомненно выдающейся фигурой в религиозной истории нашего века. Он доказал свою верность христианству, и наиболее важные его труды посвящены именно проблемам христианства. Они написаны с позиции психологии, и Юнг намеренно связывал психологию и теологию. Тем самым он подчеркивал необходимость осмысления там, где христианство требует лишь веры. Эта необходимость была для него само собой разумеющейся, она стала неотъемлемой частью его жизни. «Я обнаружил, что все мои мысли, выстраиваясь как планеты

вокруг солнца, образуют круг с центром в Боге, и непреодолимо стремятся к Нему. Я чувствую, что совершил бы серьезнейший грех, если бы стал оказывать какое-либо сопротивление этой силе», — писал он в 1952 году одному молодому пастору.

В этой книге — единственной из огромного количества его работ — Юнг говорит о Боге и своем ощущении Бога. Вспоминая свой юношеский бунт против церкви, он сказал: «Тогда мне стало понятно, что Бог (во всяком случае, для меня) — это один из наиболее непосредственно воспринимаемых образов». В научных работах Юнг редко упоминал о Боге, предпочитая термин «образ бога в человеческом сознании». Здесь нет противоречия. В одном случае перед нами субъективный язык, основанный на внутреннем опыте, в другом — объективный язык научного описания. В первом случае Юнг говорит как человек, чьи мысли подвержены воздействию чувств и страстей, интуитивных ощущений и переживаний долгой и необыкновенно богатой содержанием жизни; во втором — как ученый, сознательно ограничиваясь тем, что может быть продемонстрировано и доказано. В этом смысле Юнг — эмпирик. Когда в этой книге он говорит о своем религиозном опыте, он полагает, что читатели его поймут. Его субъективные утверждения могут быть приемлемы лишь для тех, кто имел сходные переживания или, говоря иначе, в чьей душе образу Бога свойственны те же или сходные черты.

Несмотря на то что Юнг одобрительно и деятельно отнесся к созданию «автобиографии», к ее опубликованию он в течение долгого времени относился по вполне понятным причинам — крайне критически, чтобы не сказать отрицательно. Его сильно беспокоила реакция публики, во-первых, из-за откровенности, с которой он поведал о своих религиозных переживаниях и мыслях, и во-вторых, потому что до сих пор ощущалась враждебность, вызванная его книгой «Ответ Иову», а непонимание и недопонимание воспринималось им слишком болезненно. «Я хранил этот материал всю мою жизнь, но ни-

Рекомендована література

100 бесід із психологом

Денверська модель
раннього втручання
для дітей з аутизмом

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ